

Александр Пятигорский, Олег Алексеев Размышляя о политике

Уважаемые читатели! Книга, которая лежит перед вами, — это приглашение к размышлению. Высказанные в ней соображения не обязывают вас думать так, как думают авторы. Мы надеемся, что размышляя вместе с нами о политической философии, вы сможете лучше понять и ваше собственное политическое мышление. А затем — вырваться из пределов привычного политического мышления и подвергнуть серьезному анализу основные понятия вашей собственной рефлексии о политике. На протяжении всей книги мы говорим о различии между субъектом политической рефлексии и субъектом политической

или возможным субъектом политического действия, а не просто участником созданной не им политической ситуации. Исследуя политическое мышление людей, политическая философия совсем не стремится облегчить понимание современной политической ситуации (политтехнологами, советниками президентов, премьер-министров или депутатами парламентов), но она создает более широкие горизонты политическому мышлению для всех интересующихся политиков и не-политиков. Мы считаем, что нынешняя политическая рефлексия

Александр Пятигорский
Размышляя о политике

«Новое издательство»

2008

Пятигорский А. М.

Размышляя о политике / А. М. Пятигорский — «Новое издательство», 2008

Предмет размышлений философов Александра Пятигорского и Олега Алексеева – политическое мышление и политическая философия. Одним из стимулов к написанию этой книги стало эмпирическое субъективное ощущение авторов, что определенный период развития политического мышления завершился в конце XX века. Его основные политические категории– абсолютная власть, абсолютное государство, абсолютная революция и абсолютная война – исчерпали себя уже несколько десятилетий назад. Александр Пятигорский и Олег Алексеев уверены: мир входит в новую фазу политической рефлексии, которая отмечена иным пониманием времени.

© Пятигорский А. М., 2008

© Новое издательство, 2008

Содержание

Благодарности	5
От авторов	6
Эпистемологическое послесловие/ предисловие о политической философии	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Пятигорский, Олег Алексеев

Размышляя о политике

Благодарности

В подготовке, обсуждении и издании этой книги принимал активное участие наш друг Ефим Викторович Островский, которому мы приносим горячую благодарность, прежде всего за его интеллектуальную заинтересованность в наших занятиях политической философией. Исключительную роль в работе над книгой и создании окончательного варианта сыграл наш редактор Кирилл Кобрин, которого мы благодарим от всего сердца. С особым чувством выражаем свою признательность Людмиле Стоковской за скрупулезную работу по выверке текста, как в начальном, так и в окончательном варианте, и за горячее желание, чтобы эта книга увидела свет. И наконец, благодарим очаровательного Андрея Егорова за его помощь в завершающей фазе работы над книгой.

От авторов

Уважаемые читатели! Книга, которая лежит перед вами, – это приглашение к размышлению. Высказанные в ней соображения не обязывают вас думать так, как думают авторы. Мы надеемся, что, размышляя вместе с нами о политической философии, вам удастся лучше понять и ваше собственное политическое мышление. А затем – вырваться из пределов привычного политического мышления и подвергнуть серьезному анализу основные понятия вашей собственной рефлексии о политике. На протяжении всей книги мы говорим о различии между субъектом политической рефлексии и субъектом политической ситуации. Если вы видите политическое пространство только через политическую ситуацию, участником которой сами и являетесь, то этим вы не только затрудняете, но порой и закрываете саму возможность обращения к политическому мышлению. Это первое. Только тот, кто *рефлексирует*, действуя в политической ситуации, эту ситуацию создает, поддерживает и изменяет. Это второе.

Политическое мышление, как и любое другое, имеет особую энергию; оно может прерываться, деградировать или возрождаться, у него есть своя основа, своя конструкция, свой горизонт. Крайне важно понять: рассуждая о политическом мышлении любого другого человека, мы имеем в виду, что этот человек является действительным или возможным субъектом политического действия, а не просто участником созданной не им политической ситуации. Исследуя политическое мышление людей, политическая философия совсем не стремится облегчить понимание современной политической ситуации (политтехнологами, советниками президентов, премьер-министров или депутатами парламентов), но она создает более широкие горизонты политическому мышлению для всех интересующихся политиков и не-политиков.

Мы считаем, что нынешняя политическая рефлексия в ее манифестированных формах ведет свое начало с XVII века. В таком случае исследующая эту рефлексию политическая философия – явление весьма новое. И оно не вечно. В этом смысле политическое мышление Никколо Макиавелли не было политической философией; можно даже сказать, что оно было философской первобытностью политики. Современное политическое мышление, которое мы здесь называем «политической рефлексией», получает реальный смысл только с начала Нового времени. Значит, нашей политической рефлексии около пятисот лет. Но и это все-таки большой срок. Вопрос о происхождении современной политической рефлексии – вне нашей компетенции. Ответить на него – дело историка, если тот пожелает этим заняться.

Одним из стимулов к написанию этой книги стало наше чисто эмпирическое субъективное ощущение, что период развития политического мышления закончился в конце XX века. Его основные политические категории – абсолютная власть, абсолютное государство, абсолютная революция и абсолютная война – исчерпали себя уже на рубеже 50-х годов XX века.

Мы живем в другом политическом времени, потому что понимаем: не политическая рефлексия определяется временем политики, а время политики определяется политической рефлексией. Сейчас мы входим в новую фазу политической рефлексии, которая отмечена иным пониманием времени. Мы уже не будем по старой привычке ставить себя в одурачивающую нас зависимость от какого-то неопределенного полуфантастического «времени». Мы больше не можем верить в «историю» как самореализацию некоей высшей инстанции мышления или сверхмышления (как у Гегеля и, в конце концов, у Маркса и Ленина тоже) и начинаем понимать, что сами делаем свое время. Как о нем мыслим – такое время и получается. Может быть, наконец, мы начнем всерьез избавляться от интеллектуального обезьянничанья. Позавчера ввели в политический оборот «двуполярный мир», и мы застряли в этой политической концепции, не решаясь ее проблематизировать. Вчера ввели в оборот «глобализацию», но не застревать же нам и в этом мифе?

В нашей книге мы не выступаем против каких-то определенных политических мыслителей или немыслящих политиков, не защищаем и не осуждаем чуждые нам политические позиции. Тем более не пишем о современной России, где четко выраженные политические позиции полностью отсутствуют.

Только на первый взгляд политическое мышление не отличается по базовой структуре от любого другого. Отличие можно видеть в том, что в политике чрезвычайно трудно замыкаться на «основном» редуцированном содержании, так как приходится учитывать слишком большое количество фактов, факторов и условий. Это требование к политическому мышлению само может стать одной из его содержательных характеристик. Неспособностью большинства политических деятелей держать в поле своей рефлексии большое количество фактов и обстоятельств можно объяснить привлечение множества разнообразных экспертов (часто бездарных и малообразованных), которые должны обеспечивать большую «объективность», а также согласовывать различные точки зрения при принятии решений. Но ведь главное в принятии решений – не примирение точек зрения разных людей и не фактическое обоснование своей точки зрения, а центростремительное фокусирование политической рефлексии на принятии «единственного» решения. А это гораздо сложнее реализовать в нескольких людях, чем в одном человеке.

Крупнейшие политические лидеры XX столетия привлекали экспертов, но никогда не использовали их в решении стратегических вопросов. Они пользовались ими только в тактических контекстах. Стратегию им приходилось придумывать самим. Лидеры XX столетия (перечислим их хронологически) – Ленин, Сталин, Рузвельт, Черчилль, Гитлер, Мао Цзэдун, Аденауэр и, безусловно, последний великий лидер Америки Гарри Трумэн – не привлекали к разработке своей стратегии никого.

Чтобы быть успешной, стратегия должна соответствовать горизонту и масштабу мышления субъекта политической рефлексии. Отделение стратегии от субъекта политической рефлексии – это нивелирование самой политической рефлексии, лишение рефлексии ее конкретного содержания. Но в чем же политическая стратегия реализуется? Наш ответ таков: в аппарате власти, в том, как он устроен, как функционирует, и в том, *кто* и *как* себя с ним отождествляет в своем политическом мышлении.

Итак, еще раз: эта книга приглашает вас к размышлению о политике. Размышлять очень трудно – и о политике, и вообще. Трудно, но возможно. Насколько нам известно, от этого еще никто не умер.

Эпистемологическое послесловие/ предисловие о политической философии

*Эпистемологи, как и полководцы, обычно появляются на поле боя
с опозданием на одну войну.*

Бруно Латур

Это – одновременно послесловие к нашим обсуждениям последних лет и предисловие к попытке другого (не нового, а другого) осмысления нами нынешней ситуации как политической. Именно как *политической*, то есть включающей в себя политику как *позицию*, как искусственно нами выбранную точку зрения. Таким образом, осмысливаемая ситуация для нас никоим образом сама не является изначальным «природным» политическим объектом. Современная ситуация может рассматриваться и осмысливаться нами как политическая не в силу неких онтологических предпосылок политики, лежащих в основе нашей позиции, а в силу того, что эта ситуация саму себя может осознавать только как вытекающую из таких предпосылок. Отсюда для нас необходимость философствования о политических онтологиях сегодняшнего дня. Но, поскольку онтология (точнее, набор онтологий) всегда нам как бы «уже предоставлена» в качестве одной из основных эпистемологических структур, то мы и начнем с эпистемологического экскурса.

Современная ситуация приглашает философа к ее осмыслению как ситуации политической прежде всего потому, что она сама считает себя таковой. Словосочетание «сама себя считает» нуждается в особом рассмотрении *по содержанию*, к каковому мы сейчас и приступаем. Это будет первым шагом в феноменологической критике современных политических онтологий. Итак, в основе любого нынешнего обыденного политического мышления лежит два элементарных постулата. Первый: *политика – это все*. Второй: *все – это политика*. В первом постулате просто утверждается абсолютный приоритет политики как фактора определяющего значения всех мыслимых ситуаций, силу любой из них в отношении данного мыслящего о ней человека. Второй постулат устанавливает предел универсальности, поскольку он читается как «любая мыслимая ситуация есть ситуация политическая», но гораздо более того – он фактически отменяет любую неполитическую рефлексию, считая ее либо, опять же, политической, либо не имеющей, не могущей иметь никакого отношения «к делу», то есть к любой актуальной или возможной значимой для нас ситуации. Однако оба постулата, первый из которых мы бы условно назвали «менее сильным», а второй «более сильным», предполагают наличие онтологий, высказываемых или подразумеваемых в обыденном политическом мышлении.

Исторически можно было бы заметить, что в своем абсолютизме и универсализме в отношении политики современность берет весьма запоздалый реванш у марксизма. Не удивительно ли, что марксизм воспринимался в XX веке и упорно продолжает восприниматься как политическая теория, в то время как уже самое элементарное знакомство с текстами Маркса (а не с тем, что уже лет сто фигурирует как «марксизм вообще») показывает читателю, что марксизм возник и полвека разрабатывался как *экономическое учение*. В отношении прямых политических выводов Маркс и Энгельс были крайне осторожны. Более того, центральное философское понятие марксизма «способ производства» имплицировало политику, но при этом категорически исключало концептуальный переход от экономике к политике. И в этом смысле можно утверждать, что концепция борьбы классов была и остается единственным по своему содержанию политическим элементом того, что условно называется «философией Маркса». У ортодоксального марксиста, каких, правда, нелегко сегодня найти, волосы бы встали дыбом при самом поверхностном знакомстве с современным левым политическим мышлением. Он бы заметил, что это не марксизм, а откровенный политический субъективизм, какая-то диле-

тантская мешанина из Штирнера, Карлейля и Карла Поппера! На самом деле сущность этого запоздалого реванша в том, что политика становится не просто «всем» или «чем угодно». Наоборот, не только в обыденном, но и во вполне научном политическом мышлении (допустим, что такое тоже имеется) политика именно в своем универсализме и абсолютизме оказывается изолированной от всех условий человеческого существования – и, тем самым, не может более мыслиться как явление или параметр общественной жизни. А политическое мышление не мыслится как явление или параметр социального мышления. Теперь попробуем перейти к основным онтологиям современной усредненной политической рефлексии.

Первую онтологию мы называем «пространственной». В ней постулируется абстрактное пространство, в котором нет и не может быть места, где нет политики. Или, скажем так, постулируется *непрерывность политического пространства*. Это феноменологически очень важно, поскольку отсюда следует, что каждая любым образом пространственно локализуемая нами ситуация будет политической по определению. Вторая онтология относится ко *времени*: время любой ситуации является временем политического действия или политических действий, совершающихся или совершавшихся в этой ситуации. Более того, любая ситуация мыслится как продолжающаяся во времени предшествовавших ей ситуаций, содержанием которых являлась или могла бы являться политическая деятельность. Отходя на шаг в сторону – хотя это потребовало бы других феноменологических операций, пока еще нами не совершенных, – мы могли бы, пусть сколь угодно условно, полагать любую ситуацию уже принадлежащей политической истории, о которой мы могли бы знать или не знать. Третья онтология – *субъектная*. Любое лицо, наблюдавшееся или могущее быть наблюдаемым в данной ситуации, является *субъектом политической рефлексии*, а значит, и соотношенного с ней (мыслимого им) действия, уже в силу того, что мы наблюдаем его в данной (в принципе – какой угодно) ситуации. При этом деятельность, действие данного лица может быть как активным, то есть направленным на развитие, поддержание либо изменение ситуации, так и пассивным, то есть замыкающимся в перцепции данной ситуации или ситуации такого рода. Четвертая онтология – *перцептивная*-, она предполагает, что, сколь бы ни различны были типы, модусы и способы политической перцепции данной ситуации, эта перцепция предполагается политической. Такой тип перцепции Гуссерль называл *апперцепцией*. Апперцепция исходит из преобладающе однотипных восприятий, реализующихся во временных и пространственных рамках ситуации.

Здесь было бы интересно заметить, что эти четыре онтологии, соответствующие четырем традиционным онтологиям политики предшествующего периода – онтологиям абсолютного государства, абсолютной политической власти, абсолютной революции и абсолютной войны, – можно было бы с таким же успехом назвать четырьмя *онтологическими иллюзиями* современного политического мышления. Однако здесь необходима крайняя методологическая осторожность. Говоря строго исторически, политические онтологии прошлого стали иллюзорными уже по крайней мере полвека назад, но должно было пройти несколько десятилетий, чтобы произошли какие-то радикальные изменения в политическом мышлении, с точки зрения которых прежние онтологии стали переосмысляться как иллюзорные.

В нашей критике современных политических онтологий мы исходим из общей философской интуиции о том, что любая политическая онтология является по преимуществу иллюзорной. Мы думаем, что нынешняя «новая» онтологизация политики является показателем теоретической слабости политической рефлексии, хотя если мы обратимся к конкретностям современной политики, то можно было бы принять гипотезу, что эти иллюзорные онтологии просто соответствуют этим конкретностям и напрямую от них зависят. В целом, однако, мы все же более склоняемся к гипотезе, что именно методологическая зыбкость и теоретическая слабость современного политического мышления сами определяют характер современной политической жизни.

Обратимся к «теоретической слабости». Прежде всего, заметим, что *исторически* политическая жизнь предшествующего периода все же смогла себя теоретически сформулировать в середине и второй половине XX века. Это формулирование произошло, во-первых, в терминах концепций универсальной смены научных парадигм Томаса Куна, а во-вторых, в терминах универсальной теории систем, предложенной Людвигом фон Берталанфи. В настоящее время в нашем распоряжении не имеется принципиально новых теорий, на основе которых была бы возможна сколько-нибудь серьезная научная и философская критика онтологий современной политики. Это обстоятельство мы считаем не только существенным в нашем подходе к современной политике, но и чрезвычайно важным в отношении конкретностей современной политической жизни. Почему же тогда крах практически всех политических идеологий предшествующего периода оставил нас столь беспомощными в наших попытках критики сколь угодно слабых теоретических построений политики нынешнего дня? Или позволим себе спросить так: откуда возможен приход какой-то другой *критической теории* политики и почему такая теория к нам до сих пор не приходит?

Ответ и прост, и не прост. Попробуем его дать, опираясь на тех же Берталанфи и Куна. Дело в том, что возникновение такой критической теории обязательно требует полного, не оставляющего камня на камне от привычного подхода, кризиса исходных положений и установок предшествующего знания; иначе говоря, требует *когнитивного кризиса*. Такого рода кризис, пример которого мы видим в гигантских научных сдвигах начала и середины XX века, может произойти только как событие радикального переосознания нами нашей политической рефлексии и той политической действительности, которая в ней конструируется и воспроизводится. А это, в свою очередь, ставит под угрозу не только политический, но и многие другие аспекты нашего обыденного мышления и каждодневного существования именно сейчас, когда политика стала универсальной и превратилась в «*общий деноминатор*» любой осознанной человеческой деятельности. Именно в критике этой нынешней ситуации политического мышления – ситуации, которая характеризуется, во-первых, идеей универсальности политики, а во-вторых, набором онтологий, следующих из этой универсальности, ситуации, которую мы называем «слепой апперцепцией», – мы считаем необходимым использование центрального понятия классической феноменологии, понятия *интенциональности*.

Политическая интенциональность, понимаемая как уже готовая направленность индивидуального мышления на все как на политику и на себя самое как на политическое, здесь оказывается господствующим и определяющим фактором также и в мышлении неиндивидуальном, intersubъективном (intersubъективность, как понятие, здесь покрывает всю сумму неиндивидуального, все то, что мы условно называем социальным, коллективным и т. д.). Попробуем произвести хотя бы самую элементарную феноменологическую редукцию понятия политической интенциональности.

Первым шагом редукции будет представление об индивидуе, которому мы абстрактно приписываем любую другую интенциональность, нежели та, к рассмотрению которой мы приступаем (в данном случае – политическая). В качестве примера обратимся к одному из поистине гениальных пассажей из «Капитала». Маркс приглашает нас вообразить, каким был бы психологический шок древнегреческого пахаря, обмакивающего горячую утреннюю лепешку в оливковое масло, если бы он знал, что сейчас будет занят не своим обычным завтраком, а поглощением возможной прибавочной стоимости. Разумеется, такого рода осознание если бы и пришло к нему, то только позднее, постепенно и в порядке чисто практического, и никак не теоретического. И это никто так хорошо не понимал, как сам Маркс. Однако тот же Маркс, работая над «Манифестом коммунистической партии», приписывал пока еще молодому рабочему классу Европы мышление, которое тогда, разумеется, не было политическим, но должно *будет* стать таковым, в чем «Манифесту» и предстояло сыграть свою роль. Далее, в порядке произвольной исторической ретроспективы позволим себе сказать, что российский летчик,

бросающий бомбы на Чечню (или американский – на Ирак), не только точно знает, что, делая это, он занимается именно политикой, но и совершенно точно знает, что, кроме политики, во всем этом просто ничего нет – ни в Кремле, ни в Белом доме. А как же тогда быть со здравым смыслом (не говоря уже о любви к ближнему, морали и всем прочем)? Но на этом витке нашего рассуждения мы вынуждены иметь дело с усложняющейся в процессе нашего рассуждения эпистемологией рассматриваемой проблемы. И здесь-то было бы недурно поучиться у Маркса. Тот, по крайней мере, точно знал, что политика всей так называемой Второй империи Наполеона III – это чистая экономика. Иными словами (не Марксовыми, а нашими), экономика была для него «здравым смыслом», пусть в сколь угодно превращенной, извращенной или иллюзорной форме своей политической манифестации. Исторически будет очень интересно заметить, что полное ниспровержение экономики в тоталитаристских идеологиях XX века, идеологиях по своей социальной природе чисто политических, уже означало изгнание здравого смысла из политики – политики как тоталитаристской, так и антитоталитаристской. Это, безусловно, подготовило политическое мышление конца XX и начала XXI века к универсализации любого смысла как *политического*. Именно этот момент оказывается сейчас решающим в неразвитом нерелексивном мышлении среднего (то есть нормально не думающего) политического индивида. И, наконец, последний момент: оказывается чрезвычайно трудным переход от политического мышления индивида, отдельного субъекта к интересубъективному политическому мышлению. Самое важное здесь, что этот переход труден *объективно*, а не только для нашего рассмотрения. Ибо переход в мышлении от политической субъективности к интересубъективности практически незаметен, ненаблюдаем и происходит по чрезвычайно сложным правилам перехода одного состояния сознания в другое, одной практической ситуации в другую, а иногда даже одного типа мышления в другой. Пожалуй, самым интересным в этом переходе является как бы его обратность – это не столько переход от индивидуальной субъективности к интересубъективности, сколько переход от интересубъективности к индивидуальной уникальной особенности твоего собственного мышления. Ты сам этого уж наверняка не заметишь, а оттого и не осознаешь. Осознание придет к тебе со стороны других, будь то двое, трое, город, страна, Европа, весь мир. При этом мы вполне допускаем какие-то крайние случаи, когда это осознание никогда не станет индивидуальным, а если и станет, то с таким запозданием, что не будет иметь никакого психологического, экономического, социального или, наконец, политического эффекта.

Вторым шагом в редукции политической интенциональности современного мышления будет анализ *когнитивного содержания* политики, но политики именно в том смысле, в котором последняя выводится из сформулированных выше онтологий. Здесь самыми важными являются два момента. Первый момент – это *множественность политик*, их принципиальная несводимость к одной общей политической концепции или к двум противоположным концепциям. Отсюда, в частности, невозможность политики, которая осознала бы себя сегодня в качестве единственной *оппозиции*. Этим обуславливается и воспроизводится своего рода «когнитивная недостаточность», выражающаяся в «нужде» в политической оппозиции. Тогда последнюю приходится искать вовне данной конкретной политической ситуации и включать в эту ситуацию в качестве необходимого для ее существования дополнительного элемента, который одновременно служит и как способ разрешения любых актуальных или могущих возникнуть внутренних напряжений. Более того, брать извне приходится не только оппозиционные политические идеи, но и любые другие, которые, будучи включенными в наличную ситуацию, как бы «сойдут» за политические в мире политической множественности и, тем самым, окажутся элементом когнитивного содержания данного конкретного акта политического мышления. Отсюда может следовать, что множественность политик будет воспроизводить произвольность формирования когнитивного содержания политического мышления, с одной стороны, и «мотивационный хаос» в практической политической деятельности – с другой.

Второй момент – это *механистичность* генерирования когнитивного содержания. Механистичность в буквальном, чуть ли не физическом смысле этого слова. Политически отмеченными оказываются вещи, слова и действия, материальные свойства которых искусственно, чисто механически, вносятся в когнитивное содержание политического мышления и включаются в это содержание в качестве его равноправных элементов. Это, разумеется, уже само по себе означает полную деиерархизацию когнитивного содержания, делает невозможным его систематизацию и крайне затрудняет и усложняет рефлексию над этим содержанием. Среднемыслящему, слабополитизированному обитателю земли приходится разбираться в том, что же важнее – проблема безработицы или стандартизация сыров в нынешней Европе. Либо что же опаснее – глобальное потепление, терроризм или курение в общественных помещениях. Либо, как недавно вопрошал один политически дезориентированный британский консервативный журналист: что хуже для страны – война в Ираке или когда глава государства врет насчет войны в Ираке? Подытоживая сказанное о когнитивном содержании, опять заметим, что оно не может быть структурировано из-за своей аморфности и не может быть радикально переосмыслено без предшествующего такому переосмыслению когнитивного кризиса.

Третий шаг редукции основной интенциональности современного политического мышления является не более чем попыткой обнаружить источники когнитивного содержания этого мышления. Сначала две методологические оговорки. Во-первых, источник здесь – это не столько исторически предшествующее знание, сколько настоящее, нынешнее знание, которое не может себя осознать *как знание* без оправдания себя в своем генезисе, без осознания себя как того, что актуализирует свой генезис. Генезис для феноменолога – это и настоящее, и будущее любого данного знания. Во-вторых, когнитивное содержание современного политического мышления предстает наблюдающему его феноменологу уже в столь редуцированном, обедненном виде, что наблюдателю приходится, рассуждая о его источниках, искусственно «обогащать» когнитивное содержание посредством гипотез и экстраполяций относительно генезиса.

И все же будет вполне методологически допустимым говорить о трех возможных когнитивных источниках. Первым из них оказываются, пусть сколь угодно размытые, политические концепции континентальных социал-демократов и социалистов рубежа и первой половины XX века. Когнитивная размытость этих концепций была предопределена промежуточной позицией их авторов и носителей в 20-30-х годах. Правильнее было бы сказать, что теоретически их позиция объективно оказалась определенной не ими самими, а их левыми и правыми врагами и критиками. Слабая попытка «регенерации» социал-демократии в послевоенной Германии оказалась тщетной из-за сверхсильного агрессивного противодействия официального германо-советского коммунизма. «Холодная война» и молодежная революция 60-х в Европе поставили под вопрос социал-демократическую перспективу. Исторический опыт социал-демократической политики сейчас видится не более чем чистая абстракция, частичная актуализация которой оказывается возможной только в чрезвычайно «слабых» политических ситуациях, одной из которых является сегодняшняя мировая политическая ситуация.

Вторым когнитивным источником служат не оформившиеся в виде концепции (но не будем забывать, что само современное политическое мышление еще далеко концептуально не оформилось) антигосударственные и антицентралистские идеи и настроения, спорадически возникающие в Европе и, особенно, Америке (заметим, что все крайне правые движения в Штатах идейно сфокусированы не на усилении, а на ослаблении государства и федерального правительства). Здесь не исключены и пережиточные анархистские влияния, вполне созвучные как современному американскому, так и нынешнему британскому антицентрализму.

Третьим когнитивным источником, безусловно, являются глобалистские концепции середины XX века, развитие которых было замедлено «холодной войной», но уже с конца 80-х пошло ускоренными темпами. Общим для этих концепций является синтез трех важнейших содержательных элементов: сциентизма, технократизма и гуманизма (правда, крайне абстракт-

ного). Вообще синтетичность этих концепций – их главная черта. Синтез научной экологии, генетики и патологически недоразвитой социологии дополняется синтезом еще не сформулированной глобальной политической экономии и компьютерных технологий. Но именно то обстоятельство, что ни в одной из этих синтетических концепций, ни во всех их, вместе взятых, не было отмечено, что они – политические, и сделало их политическими. Все их конкретное неполитическое содержание оказалось спонтанно нейтрализованным и превратилось в аморфный сырой материал для апроприации современной универсальной политикой.

И, наконец, четвертым шагом в нашей редукции политической интенциональности современного мышления будет попытка рассмотрения *субъекта политики* как особого, важнейшего элемента редукции. Выше мы говорили о политическом индивиде как об одной из исходных точек в нашем понимании политической ситуации и осознании этой ситуации. Теперь же речь будет идти не только о субъекте, а о своего рода *эпистемологическом треугольнике* – «субъект – индивид – личность», в котором первичность субъекта является чисто номинальной, поскольку мы начинаем с субъекта, как с субъекта особых отношений людей друг к другу, уже названных нами словом «политика». Разумеется, этот шаг уже сам себя выделил тематически, поскольку здесь мы имеем дело с конкретным человеком политики, и эта конкретность, в зависимости от угла нашего рассмотрения, будет фигурировать то как «субъект», то как «индивид», то как «личность».

Субъект в данном случае – это не более чем условное *место*, тот минимум политического пространства, в котором локализуется весь сложнейший комплекс действий, слов и мыслей, которые мы рассматриваем как политику. Субъектом может быть отдельный человек, семья, партия, религиозная община, народ, город, страна. Однако феноменологически субъект остается производным от его собственного политического самосознания, в отсутствии которого он – чистая фикция, вторичная иллюзия политического мышления. Индивид – это качество субъекта, обозначающее его условное физическое единство в данном политическом пространстве и при данном рассмотрении его наблюдателем. Тогда личность будет дополнительным качеством субъекта, характеризующим его особенность или уникальность его мышления, речи и действия уже не только в данном политическом пространстве, но и в пространстве и времени всякой другой наблюдаемой политической ситуации.

Политическая рефлексия без ее эпистемологической составляющей – это дефективная рефлексия, над чем бы она ни производилась. Ибо рефлексировать я могу только над тем, что я *знаю*, то есть над уже выделенным мною (или другим, другими) объектом знания, который только в силу этой выделенности и попадает в поле политической рефлексии. Поэтому мы можем себе представить *акт* политической рефлексии в его естественной троичности или трехфазовости: (1) субъект политической рефлексии *хочет* (воля, решение и т. д.) рефлексировать над данным объектом, будь то конкретная ситуация, действительно происходящее событие или абстрактная идея; (2) но само понятие объекта предполагает, что он уже *был* познан как объект актуального (для прошлого, а не настоящего) знания; (3) этот объект схватывается в рефлексии, но для уже *перспективного* употребления при построении стратегий и тактик в будущем все той же (она пока еще та же самая) политической рефлексии. Отсюда ясно видно, что (1) оказывается противопоставленным (2), как воля и мышление настоящего времени противопоставлены знанию прошлого времени. Заметим, что время здесь не обязательно историческое, но оно может стать историческим при изменении *угла зрения* рефлекслирующего субъекта. Именно такой случай радикального изменения в направлении мышления В.В. Бибихин в своей книге о Витгенштейне назвал «сменой аспекта»: мышление (рефлексия) помещает себя в свое абстрактное «до-прошлое» время, с точки зрения которого *стрела времени* летит от прошлого через настоящее в будущее. Тогда, рассуждая строго эпистемологически, только такой случай направления рефлексии может быть условно назван «историческим временем». В то же время (2) оказывается противопоставленным (3), какуже актуализированное в настоящем

прошлое знание противопоставлено мышлению или рефлексии будущего. И наконец, (3) мы могли бы считать, пусть сколь угодно условно, *проекцией* определенного знания о данном объекте (уже имеющегося в (1), но полученного в (2)) на неопределенное (то есть неизвестное), непознанное *мышление* того же субъекта рефлексии в будущем.

Теперь, если перейти к возможным выводам из намеченной нами трехфазовой эпистемологической схемы политической рефлексии, то первым и самым важным из этих выводов будет: даже допуская, что, когда мы рефлекслируем в настоящем о нашем политическом мышлении, мы в какой-то мере это мышление и *знаем* или, во всяком случае, такое знание возможно; а вот говоря о *будущем*, проецируемом мышлении, такое допущение будет непомерно сильным. Ибо предсказание формы и характера будущего мышления (то есть его знание сейчас) пока выглядит утопическим проектом. Но разве невозможно предположение о будущем знании вообще? Невозможно, так как при отсутствии у нас феноменологической процедуры, посредством которой знание могло бы редуцироваться к мышлению, будущая политическая рефлексия остается абсолютно непредсказуемой. Непредсказуемы не только ее формы и характер, но прежде всего ее *объекты*, а также категории и термины, в которых эти объекты будут рефлексироваться. Возвращаясь к нашей троичной эпистемологической схеме, заметим, что в ее построении мы исходим из допущения о *том же самом объекте* политической рефлексии, остающемся «самим собой» при всех возможных изменениях нашего знания о нем и флуктуациях политической рефлексии. На этом тривиальном допущении основана вся политическая проблематика сегодняшнего дня, вся политическая эпистемология XX века. «Какова будет война будущего?», «каково будет соотношение сил и влияний великих держав в мире ближайшего будущего?». Все это – не просто набор банальностей среднего, неразвитого современного политического мышления, но выражение исторически сложившегося к середине XX века образа или порядка мышления, который не вмещает в себя идею о возможности в будущем каких-то других *объектов* политической рефлексии и, соответственно, других образов и порядков знания, не редуцируемых к нынешним формам знания. Отсюда и эпистемологическая вульгарность футурологии конца XX века.

Беда традиционной эпистемологии не столько в ее непоколебимой уверенности в возможности редуцировать мышление к знанию, сколько в неотрефлексированной ею *онтологизации* предметов знания и в механическом перенесении этой онтологизации на объекты политической рефлексии. Но тогда знание оказывается противопоставленным мышлению, как искусственно созданный порядок противопоставлен естественному, природному состоянию вещей, как *креатура* противопоставлена *плероме* (в терминологии Карла Густава Юнга и Грегори Бейтсона). По существу, этот дуализм и пришел на смену классическому философскому дуализму «субъективное знание о вещах и фактах как они есть» / «сами вещи и факты как они есть». Или, попросту говоря, пришел на смену дуализму «субъективное» / «объективное». Теперь эпистемологическая граница проходит *внутри* субъективного и объективного. Основной задачей эпистемологии – мы условно ее обозначим как «эпистемология II» – будет наведение мостов между миром знания и миром мышления.

Эти элементарные эпистемологические соображения нам нужны только для того, чтобы показать, что политическая философия никак не претендует на роль специального научного знания, предсказывающего ход политических событий или политическое будущее мира в целом. Ведь объектом философствования здесь является политическая рефлексия, а не политическая действительность настоящего, действительность, которая для нас является в лучшем случае вторичной и производной от политической рефлексии. Философствуя, мы не можем предсказать будущее политики, потому что нисколько не уверены, что рефлексия будущего будет совершаться в терминах рефлексии сегодняшнего дня. Кто знает, будет ли, даже в недалеком будущем, то, о чем сегодня мы мыслим как о политике? Отметим, мы только что сказали «в терминах рефлексии». Говоря точнее, это значит – в терминах и понятиях *знания*,

уже апроприированных рефлексией в качестве объектов последней. Более того, в понятиях, которые являются не только выводными и вторичными, но и крайне абстрактными, «платоническими», так сказать. Это такие понятия, как «политика», «экономика», «культура», «искусство» и т. д. Но замечательно, что именно в использовании таких понятий в качестве предметов (прежде всего названий предметов) научного знания и объектов рефлексии и обнаруживается эпистемологическое отличие знания от рефлексии. Знание может *знать* и, таким образом, *предсказать* будущую (в нашем случае политическую) рефлексии только в той мере, в какой оно может знать, какие понятия и термины, то есть *предметы*, современного (и прошлого) знания останутся объектами будущей рефлексии. А какие не останутся – тоже? А что, если в будущем они окажутся совсем другими, ни сейчас, ни раньше не использованными научным знанием? Боюсь, что ответить на эти вопросы нам не поможет ни одна из доживших до начала XXI века схем, сводящих все радикальные изменения в политике и экономике к радикальным изменениям в нашем научном знании о политике и экономике. Ни гегелевско-кожевская схема борьбы частного с общим (особенно в ее вульгарной трактовке Фрэнсисом Фукуямой), ни попперовская редукция политического мышления к тривиальной альтернативе «открытого» / «закрытого» общества, ни, наконец, куновская идея революционной смены парадигмы научного знания. Мы думаем, что первым шагом к реальному объяснению *нынешней* политической ситуации должно явиться радикальное переориентирование политической рефлексии со знания о будущем на основе знания о настоящем на знание о настоящем с точки зрения возможных будущих изменений в политической рефлексии. Это переориентирование может стать первым шагом к тому, что мы назвали «эпистемология II».

Посмотрим на сегодняшний мир. Три его центральных политических конфликта – арабо-израильский, индо-пакистанский и пока еще не проявленный латиноамериканско-североамериканский – это не конфликты политических концепций или точек зрения (и не конфликты экономических интересов), а конфликты противоположных *интенциональностей* политической рефлексии. Эти интенциональности не сводимы ни к нефти, ни к атомной энергии, ни к Корану, ни к цвету кожи или разрезу глаз. В *полях напряжения*, образовавшихся между конфликтующими интенциональностями, любая рефлексия – экономическая, религиозная, этическая – становится политической и только ждет своего часа, когда напряжение разрешится «шизофреническим взрывом», «*схизмогенезом*» (понятие, введенное в социологию Грегори Бейтсоном в 40-х годах XX века, о нем много подробнее ниже), логическим выводом из которого будет аннуляция (точнее, самоуничтожение) обеих конфликтующих интенциональностей и неизбежная *смена типа* политической рефлексии у обеих конфликтующих сторон, а иногда и у *третьей стороны*. То, что мы здесь называем «третьей стороной», явно или латентно присутствует в любой политической ситуации как неизбежное *внешнее* знание. Последнее, собственно, и делает ситуацию политической, предоставляя, а иногда и конструируя объекты для политической рефлексии. К феноменологии третьей стороны мы обращаемся во второй главе. Действительно, никакое знание (или незнание) политической ситуации в Индии сразу же после окончания Второй мировой войны не помогло тогдашним знатокам политики предсказать (не говоря уже о том, чтобы предотвратить) индо-мусульманскую резню 1947 года хотя бы за три дня до ее начала.

Подытоживая все сказанное о футурологическом направлении знания о политике, заметим, что все предсказания о политике будущего останутся тщетными, поскольку мы не можем знать даже о нашем собственном политическом мышлении о том будущем, которое уже превратилось в *настоящее* в нашем же мышлении о нем.

Уже оговорив наш футурологический скептицизм, наметим теперь четыре самые общие *эпистемологические составляющие* политической рефлексии, а точнее, четыре основные интенциональности, определяющие как направление, так и объекты этой рефлексии. В про- странственном аспекте политической рефлексии – это *интенсивная* интенциональность, про-

тивостоящая *экстенсивной*, а во временном аспекте – это *консервативная* интенциональность (status quo +), противостоящая *трансформативной*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.